АЗБУКА ВЕРЫ

Евгений Шварц

Марья-искусница

Художественная литература · azbyka.ru

Марья-искусница – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/marja-iskusnica-evgenij-shvarc

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Марья-искусница

Евгений Шварц

Оригинал

Идет по дороге бравый Солдат. Поправил ранец, а чтобы веселее идти было, запел песню:

— Я солдат
Отставной,
Я бы рад
Идти домой,
Да солдатское
Упорство
Шутки шутит
Надо мной.
Я шагаю,
Раз и два!
Распеваю,
Раз и два!
Я завижу
Людоеда —
Нападаю,
Раз и два!
Воля-волюшка
Моя —
Нападаю
Без ружья,
Без штыка
Одолеваю —
Вот в чем
Волюшка моя.
Я солдат
Отставной,
Я бы рад
Идти домой,
Но иду,
Иду, иду,
А туда
Не попаду!

И дорожка ведет его через поляны, покрытые цветами, мимо тихих озер, по некрутым холмам, через неглубокие овраги. Солдат оглядывается, радуется родным местам. Вдруг он слышит писк — громкий, жалобный, молящий о помощи. Солдат бежит на зов и видит: белка мечется у дупла. Рыжеватая ее шубка взъерошилась, шерсть стала дыбом от ужаса и ярости. Трехэтажный змей-желтобрюх стоит на хвосте, глядит немигающими глазами на белку. Медленно поворачивается его плоская голова к Солдату.

— Эй, ты! Разбойник! — окликает его Солдат сурово. — Ты что это задумал?

Змей шипит и свистит так оглушительно, что листья дрожат на деревьях, потом бросается на

Солдата. Тот отклоняется и хватает змея за хвост. Встряхивает с силой, кружит. Бьет его о траву, о ветки. Несколько мгновений ничего не разглядеть за этим зеленым листопадом. Но вот затихает вихрь. Змей лежит на траве, завязанный в тройной узел, как морской канат. Бьется на месте, а распутаться не может.

— Вот тебе, змей-желтобрюх, наука! — говорит ему Солдат наставительно. — Не ползай по чужим лесам. Лежи тут, чтобы другим неповадно было.

— Отпусти, — шипит змей. — Не с-с-сам пришел.

— А кто же тебя послал? — спрашивает Солдат.

— Раз-з-звяжи, с-с-с-скажу, — шипит змей. Солдат не отвечает, а белка прыгает ему на плечо и шепчет:

— Спасибо тебе, Солдат, за моих бельчат. Сейчас я тебе орехов полный ранец насыплю.

— Не надо, хозяйка! — отвечает ей Солдат весело. — Я провиантом обеспечен. А скажи ты мне лучше — откуда этот змей взялся? Что-то раньше я в наших лесах таких чудищ не видывал.

— В семистах прыжках да в семистах шажках стоит черный лес, молчит, не дышит, не качается. Хозяйничает в этом лесу зверь не зверь, змей не змей, а невидимое чудовище. Из этого леса идут сюда все напасти, — отвечает ему белка.

— Заглянем туда! — говорит Солдат.

— Не ходи! Не ходи! — умоляет белка. — Живым не выберешься!

— Да ладно уж! — смеется Солдат. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Не могу я по легкой дорожке да на печку.

Снова запевает Солдат свою песню… Шагает по дорожке. И вдруг слышит: трещат кусты, шуршит трава. Два медвежонка выбегают из чащи и бросаются к Солдату. Лизкут ему руки, и вдруг разом, как по команде, валятся в ноги.

— Встаньте, ребята! — приказывает им Солдат.

Медвежата вскакивают.

— Беда, что ли, какая приключилась? Ну ведите, посмотрим, — говорит Солдат.

Медвежата бросаются в лес.

Солдат спешит за ними и видит: стоит медведь, покряхтывает. Задняя лапа его схвачена капканом. Солдат опускается на колено и разглядывает капкан: это огромная щучья пасть. Хитро запрятана она в траве. Тугие пружины ловко прилажены к чудовищным челюстям. Покачав головой, Солдат задумчиво поворачивает костяные винты. Щелкают, открываются щучьи челюсти. Медведь с ревом подпрыгивает, встает на задние лапы и отдает Солдату честь.

— Здорово, Миша! — говорит Солдат.

— Здравия желаем! — отвечает зверь тихо.

— Да ты, никак, устав знаешь? — удивляется Солдат.

— Так точно! — отвечает медведь. — Разве ты забыл меня, друг дорогой?

Он вдруг поднимает сук, лежащий на земле, и отчетливо и ловко показывает Солдату ружейные приемы. И на плечо берет, и на караул, и к ноге, и идет в штыки. Солдат хохочет.

— Да неужто ты Мишутка-медвежонок, которого я в лесу подобрал, за полком водил, поил и службе учил, а потом на волю отпустил?

— Так точно! — отвечает медведь. — Теперь я своим хозяйством живу с семейством. Сейчас мы тебя отблагодарим, самым лучшим медом угостим. Эй, сынишки, просите гостя дорогого!

Медвежата становятся на дыбы, кивают приветливо головенками Солдату.

— Спасибо, Миша, но только меду мне не надо, — отвечает Солдат. — А скажи ты мне лучше — кто поставил этот капкан невиданный?

— Идем покажу, откуда они, разбойники, к нам заползают, — говорит медведь.

И они отправляются в путь. Вот дорожка раздваивается. Один путь ведет прямо, тем же веселым приветливым лесом, через поляны, заросшие цветами, мимо тихих лесных озер, по некрутым холмам, через неглубокие овраги. Другой ныряет прямо в чащу — черную, зловещую, неживую. Она словно невидимой стеной отделена от соседнего леса. Рядом, в двух шагах, шуршат на деревьях листья, весело свистят птицы, а тут деревья замерли неподвижно. Травой зарос путь в чащу, никто не осмеливается ходить туда, в этот зловещий полумрак.

— Стоял лес как лес, а теперь и я его стороной обхожу. Захватило лес чудище невидимое. Из этого леса и идут на нас все напасти, — отвечает медведь негромко, вглядываясь в чащу, насторожив уши.

Медвежата робко жмутся к ногам Солдата. Он усмехается. Ласково треплет медвежат за уши.

— Ну, прощайте, друзья! — говорит он решительно. — Придется мне в лес этот свернуть.

— Друг, друг, опомнись! — пугается медведь. — Усмири ты свое сердце беспокойное, солдатское. Идешь ты домой, идешь — все не дойдешь. Не пора ли отдохнуть?

— Нет! — отвечает Солдат твердо. — На печку? Нет! Пропай!

— Молодец, бесстрашен ты! — рявкает медведь восторженно и отходит в сторону.

Подает знак медвежатам. Те становятся с отцом в ряд. Отдают Солдату честь. Солдат, весело улыбаясь, козыряет в ответ и скрывается в лесу.

Солдат шагает по лесу. Тихо-тихо в сумеречной чаще. Ветка не качается, лист не шелохнется. Никого вокруг. Только туман клубами бесшумно вьется меж деревьями. Солдат замирает на месте. У ног его глубокий овраг. Дно и склоны оврага густо заросли папоротником, высоким, в рост человека. Вниз ныряет дорожка, в самую гущу папоротниковых зарослей.

— Седьмой день, — размышляет Солдат, — седьмой день в этом лесу иду, а он все молчит, все молчит. Было тихо, а стало еще тише. Как перед грозой. Чует мое сердце — будет бой. Не тут ли, в овраге, и прячется невидимое чудище?

И он устремляется вперед, вниз по тропинке. Стеной окружает его папоротник. Все быстрее шагает Солдат, все решительнее, все суровее глядят его глаза. Папоротник вдруг

расступается. Солдат невольно делает шаг назад. На сырой поляне в болотной траве спит маленький мальчик в беленькой рубашке. Огромные лягушки сидят вокруг, глядят на Солдата, не двигаются, не мигают. На траве возле спящего — самодельный лук и колчан со стрелами.

— Вот так чудище, скажи пожалуйста! — говорит Солдат, улыбаясь. — Кто ты такой, богатырь неведомый? А вы, лягушки, чего ждете, зачем его сторожите?

Тромко квакают лягушки в ответ Солдату. Мальчик вскакивает разом. Хватает лук. Прицеливается в Солдата. Солдат улыбается весело. Стоит, не двигается. И мальчик медленно опускает свое самодельное оружие.

— Здорово! — говорит Солдат ласково. — Не бойся меня.

— Здравствуй, дядя Солдат! — отвечает мальчик спокойно. — Я тебя не испугался. Я на такое дело пошел, что бояться ничего не приходится. Ну, лягушки, в путь!

Лягушки послушно скачут по дорожке. Мальчик идет за ними.

— Экий самостоятельный! — бормочет Солдат. И, поглядев вслед мальчику, пускается вдогонку. Так и шагают они молча. Лягушки впереди, Солдат позади, а мальчик в белой рубашечке посередине.

— Куда ты спешишь? — спрашивает Солдат наконец.

— Матушку ищу, дядя Солдат.

— Кого, говоришь?

— Мою мать родную.

— Где же твоя матушка?

— А ее Водяной украл. Бородой опутал, клещами ущерил да и уволок с ведрами в реку, в свой терем подводный. Она ткать да вышивать мастерица.

Солдат задумчиво глядит на мальчика. А тот шагает, спешит, не оборачивается.

— А отец твой где?

— Его метель занесла, загубила, когда я еще маленький был. Я один у матери защитник.

И снова шагают они молча. Лягушки впереди, Солдат позади, а мальчик посередине.

— А где же тот терем подводный? — спрашивает Солдат наконец.

— А тут, недалеко.

— Кто сказал?

— Лягушки. Проводить обещали и недорого взяли.

— Что дал?

— Сто мух да сто сорок комаров.

— Переплатил… — качает головой Солдат. Лягушки поднимают отчаянное кваканье.

— В таком деле скупиться не приходится, — возражает мальчик.

Лягушки замолкают разом, и опять шагают мальчик и Солдат по узенькой дорожке в зловещей лесной тишине.

— Как тебя зовут, сирота? — спрашивает Солдат наконец.

— Иванушка, — отвечает мальчик.

— Я с тобой пойду, Иванушка, — говорит Солдат решительно. — Вместе выручим из неволи твою матушку.

— Спасибо, но только я сам! — отвечает мальчик.

— Отчего так?

— Я не маленький, — отвечает Иванушка сурово.

— И я не мал, — говорит Солдат, — однако и в бою, и в работе сам друзьям помогаю и от помощи не бегу. Поверь Солдату — я дурному не научу.

Иванушка останавливается. Думает несколько мгновений, опустив голову. Затем поворачивается к Солдату, улыбается, протягивает ему руку.

— Ну, спасибо, дядя Солдат! — говорит Иванушка. — Оно и правда, с товарищем куда веселее. Лягушки — не подружки, они только квакают.

Теперь Солдат и мальчик идут рядом. Дорожка вывела путников на широкую поляну. Столетние сосны стоят вокруг угрюмо, неподвижно, как часовые. Ветка не шелохнется, шишка не качнется.

— Мы маму найдем? — спрашивает мальчик.

— Надо найти, — отвечает Солдат решительно.

— А мы ее спасаем?

— Надо спасти, — отвечает Солдат.

И вдруг те сосны, что растут справа, оживают. Ветки их сгибаются, качаются, как будто невидимый кто-то прыгает с дерева на дерево. И слышится голос хриплый, негромкий, но очень внятный:

— Никого вам не найти, никого вам не спасти да и самим не уйти.

Лягушки разом прыгают в траву и исчезают. Иванушка хватается за лук.

— Это кто же там по соснам прыгает? — кричит Солдат.

Но деревья снова замерли неподвижно. Никто не отвечает Солдату.

— Испугался. Молчит… — говорит Солдат громко.

И сразу оживают сосны слева от поляны. И невидимый голос хрипит негромко:

— Мне пугаться некого — я тут самый главный.

— А если главный, то чего прячешься? — спрашивает Солдат насмешливо. Но сосны снова затихли. Нету Солдату ответа. Он смеется. — Опять испугался?

И тотчас же трава на поляне склоняется под невидимой тяжестью. Ложится то справа, то слева, то вблизи Солдата, то вдали от него. И голос, то приближаясь, то удаляясь, вопит:

— Я никого не боюсь! Я отчаянный! Твое счастье, что я нынче веселый. А то давно бы тебе конец пришел.

— Я понял. Ты леший! — спокойно говорит Солдат.

— Сказал тоже. Я куда страшней, — обижается невидимое существо.

— Ну назовись тогда!

— Вот еще! Солдату называться! Сейчас я пастуха кликну. С ним и разговаривай. Он тебе ровня, — отвечает невидимый собеседник. И зовет негромко: — Эй, пастух, гони сюда стадо.

— Тихо зовешь, — говорит Солдат.

— Ничего, услышит, — отвечает голос. — Скорей ты! Мне не терпится! Хочется посмотреть, как людишки удивятся. Поглядите, гости дорогие, незваные.

И действительно, есть на что поглядеть. Мальчик невольно делает шаг назад. Солдат кладет ему руку на плечо.

— Не бойся, Иванушка, — говорит он ласково.

— Да уж тут бояться не приходится, — отвечает мальчик, глядя во все глаза на стадо, которое медленно плывет по воздуху между деревьями. — Ну и стадо!

Караси, огромные, как коровы, разевают рты, машут лениво широкими хвостами. Ерш, как пес, мечется между карасями, кусает за хвост отстающих, гонит к стаду отплывающих в сторону. И вот что удивительно — ерш этот, не в пример прочим ершам, лает! Правда, негромко, но все-таки лает, как настоящий пес. Вслед за стадом, верхом на щуке, выплывает пастух. Борода у него зеленая, сапоги из рыбьей кожи с узорами, вместо шапки — раковина, вместо кнута — удочка, и на поясе ведерко.

— Здорово, пастух! — говорит Солдат спокойно. Пастух останавливает щуку. Глядит на Солдата своими рыбьими белыми глазами без ресниц. Не то он не слышал, не то он не понял, не то сердится, не то задумался. Разве такого поймешь?

— Здорово, пастух! — говорит Солдат громко. Пастух молчит.

— Эй, пастух, ты воды в рот набрал, что ли? — спрашивает Солдат.

— Конечно, набрал, — отвечает пастух тенорком.

— Зачем? — удивляется Солдат.

— А нам без этого скучно, — объясняет пастух.

Сказавши это, пастух снимает с пояса ведерко и подносит его к губам, видимо опять собираясь набрать воды в рот.

— Стой! — приказывает Солдат. — Я с тобой поговорить хочу.

— Эх, принесла вас нелегкая, — сердится пастух. — Тут засохнешь с вами… Ступайте вы от мне подальше. А не то я на вас ерша натравлю.

— Попробуй натрави, — улыбается Солдат.

— Эй, Барбос! — зовет пастух.

Ерш, виляя хвостом, подплывает к пастуху, ласкается.

— Кусай их! — орет пастух. — Рви их, рыбаков-разбойников!

Глухо, но свирепо ляя, бросается ерш на Солдата. Трава на поляне так и вьется кругом. Очевидно, таинственное невидимое существо пляшет на траве, заранее уверенное, что худо придется Солдату. Но Солдат хватает свирепую рыбу за хвост и швыряет ее прямо в небо. Ерш взвизгивает по-собачьи и летит, летит под самые облака.

— Ах, батюшки! — визжит пастух. — Выше облака забросил! Да ты силен.

— Как видишь! — смеется Солдат.

— С тобой, значит, потише надо разговаривать?

— Как знаешь, — отвечает Солдат.

Ерш винтом падает с неба. Только у самой земли удается ему развернуться. С визгом удирает он в кусты. Пастух снимает свою шапку, низко кланяется Солдату.

— Здравствуйте, странники-прохожие! — говорит он до крайности ласково. — Простите, если что не так сказал.

— Ничего, — отвечает Солдат.

— Позвольте мне, странники-прохожие, воды в рот набрать да и в сторону, — просит пастух.

— Нет, брат, постой. Отвечай отчетливо: куда это мы забрели? — приказывает Солдат.

— А забрели вы, рыбки мои золотые, прямо в самое подводное царство к Водяному-владыке.

— Чего ты прохожих морочишь! Стыдно! Ведь это лес!

— Был когда-то лес, да наш Водяной его у лешего в камушки выиграл. Ну, мы, конечно, всех птиц, зверей распугали, на деревья страху нагнали — вон стоят, дыхнуть боятся — и пользуемся леском. Карасей пасем, прохожих губим, ха-ха… Лягушек растим. Сырость разводим.

— Так, понятно, — говорит Солдат задумчиво. — А кто же с нами тут невидимкою разговаривал? Кто это там невидимкою скачет с ветки на ветку?

— А скажет с ветки на ветку наш поллец-кормилец, могучий Водяной-батюшка, — отвечает пастух, сняв шапку.

Мальчик и Солдат переглядываются, а невидимый Водяной разражается хриплым смехом. Он так пляшет на соснах, что шишки градом летят на траву.

— Позвольте мне, страннички сердитые, набрать воды в рот и в сторону, — умоляет пастух, низко кланяясь.

Солдат машет рукой.

— Назад, Машка! — кричит пастух и, поддев удочкой передового карася, заворачивает его в лес. — Куда ты, Васька! А ну, Барбос, дерни его за хвост. Назад!

И, набрав воды в рот, пастух вслед за стадом уплывает в лесную чащу. Лай ерша Барбоса замирает вдалеке.

— Ну что? — ликует невидимый Водяной. — Понял, на кого налетел?

— Так точно, Водохлеб! — отвечает Солдат лихо.

Водяной молчит. Очевидно, растерялся от солдатской дерзости.

— Водяной, а не Водохлеб! — ревет он наконец.

— Это нам неизвестно, — возражает Солдат спокойно.

— Сказал же тебе пастух!

— Сказать все можно.

— Ты меня не дразни! — вопит Водяной. — Все равно не покажусь!

— А это воля ваша, Водовоз, — отвечает Солдат.

— Ну, Солдат, раздразнил ты меня, — хрипит Водяной свирепо. — Теперь пеняй на себя. Вот он я! Гляди!

И в воздухе над поляной появляется полупрозрачное облако. Оно переливается всеми цветами радуги. Но вот зеленый цвет начинает побеждать. Облако зеленеет и зеленеет, стущается и стущается. Из зеленой мглы выступает косматая башка с круглыми свирепыми глазами. И вот перед Ваней и Солдатом вырастает великан — Водяной. Огромная спутанная зеленая его борода свисает до земли. Ее густые пряди шевелятся, колеблемые течением. Солдат не спеша подходит к великану. Разглядывает его спокойно. Так глядеть не полагается. Покупатель так оглядывает лошадь на ярмарке. Солдат проходит между ножницами Водяного невозмутимо, будто в ворота прошел. Потом он долго глядит из-под руки прямо ему в лицо. И будто поняв, с кем имеет дело, говорит Солдат вежливо:

— Здравия желаем, Степа-растрепа!

— Я не Степа-растрепа, а подводный владыка, грозный Водяный. Страшен я? — вопит великан.

Солдат вместо ответа повторяет свой осмотр. Обходит чудовище со всех сторон, оглядывает, даже пробует ногтем, прочны ли голенища его сапог. Водяной вертит головой. Таращит

глазищи на дерзкого гостя. Кричит обиженно:

— Отвечай же! Страшен я?

Солдат подмигивает.

— Ты, я вижу, смел, — хрипит Водяной.

— Я, как говорится, Адам, привычный к бедам, — отвечает Солдат весело.

— За это тебе будет награда, — обещает Водяной.

— Чем пожалуешь?

— Убью, да не сразу.

— И на том спасибо.

— Раз ты такой отчаянный — давай силой меряться, — предлагает Водяной после некоторого раздумья.

— Это можно. Только дай ты мне слово, что, если я тебя осилю, будешь ты меня во всем слушаться, — отвечает Солдат.

— Ха-ха-ха! Даю слово! — кричит Водяной.

— Ну тогда начинай!

— Сейчас я тебя, не трогая руками, буду на землю валить. Упадешь — я победил. Устоишь — ты победил. Идет?

Он подходит к мальчику.

— Сейчас, Ваня, — говорит Солдат, — стану я, как стоял часовым, — в дождь, в бурю, в снег, в град, под огнем, под пулями. Надо так думать, что устою.

— А мне какой будет приказ? — спрашивает мальчик.

— Ждать! — отвечает Солдат.

— Трудно это! Я лучше возле тебя буду. Устанешь — обопрешься.

— Не спорь! — говорит Солдат строго. — В бою слово старшего — закон. Поди встань вон там, за соснами. Надо будет — кликну.

Иванушка уходит, вздыхая. Солдат становится смирно.

— Готов? — спрашивает Водяной.

— Так точно! — отвечает Солдат.

Водяной зовет негромко:

— Стань передо мной, как лист перед травой, первый мой скоросход, главный прыгун, доверенный посыльный Ква-ква-квак!

И тотчас же Квак в обтянутой зеленой одежде вырастает, как из-под земли. Кланяется Водяному почтительно.

— Видал, Солдат? — спрашивает Водяной. — У меня, брат, все на мой лад — не по-вашему. Эй, Квак!

— Ква, ква, к вашим услугам, — отвечает Квак.

— Воды! — кричит Водяной.

— Сколько прикажете?

— Три ручья!

— Слушаюсь.

Квак три раза кувыркается, трижды подпрыгивает, квакает во все горло — из травы фонтаном поднимаются три ручья. Разливаются озером у ног Водяного.

— А ну подымись! — приказывает Водяной.

Озеро закипает, бурлит, подымается волною в человеческий рост. Водяной бормочет негромко:

— Повали его, вода, закружи его, вода, погуби его, вода, задуши его, вода!

Волны устремляются на Солдата. Разбиваются в мелкие брызги, отступают, бьют вновь, все упрямее и ожесточеннее. Иванушка выбегает из-за сосен, где приказано ему было стоять, но вода сбивает его с ног. Он поднимается, кричит Водяному:

— Все равно маму найду!

Но Водяной не слышит. Он через брызги и пену вглядывается и видит: стоит Солдат, не падает.

— Стоишь? — ревет Водяной.

— Так точно! — отвечает Солдат спокойно.

— Худо тебе?

— Бывало и хуже.

Водяной подымает лапы к небу. Приказывает грозно:

— Стань, вода, седой, встань, вода, стеной, закружись столбами, разразись громами.

Налетает вихрь. Черные тучи спускаются все ниже и ниже. Гремит гром. Сверкает молния. Смерчи ходят столбами. Солдат исчезает во мраке. Иванушка отчаянно борется с бурей, перебегает от ствола к стволу, пробирается поближе к Водяному, который, светясь зеленым светом, явственно виден в тумане. Тщательно целится мальчик. Стреляет в Водяного из лука. Тот ловит стрелу на лету, разглядывает недоумению и разражается хохотом:

— Ха-ха-ха! — ликует Водяной. — Солдат в щепочки разлетелся! Спасибо, молодцы! Все по местам! Отдыхайте!

Тучи рассеиваются, смерчи рассыпаются водяной пылью, исчезает озеро у ног Водяного. Иванушка радостно вскрикивает: Солдат стоит навытяжку. Он весел, спокоен. Мундир, амуниция в полном порядке, хоть сейчас на смотр.

— Стоишь?! — ужасается Водяной.

— Так точно! — отвечает Солдат. — Рано Вавилу запрятали в могилу.

— Да еще и сухой никак?

— Так точно. Мы в огне не горим, в воде не тонем.

— Ты колдун, что ли?

— Нет, Водяной, я русский солдат. Ну, что скажешь? Кто кого осилил?

Водяной чешет затылок. Думает.

— Нет! — кричит он после некоторого раздумья. — Бороться так бороться. Я тебя не повалил. Верно. А ты меня повалил разве? То-то, брат. Повали меня, тогда твоя взяла.

И он выпрямляется во весь свой великанский рост. Ухмыляется самодовольно.

— Ладно! — отвечает Солдат спокойно. — Это можно…

Водяной хохочет.

— Где стоять будешь? — спрашивает Солдат.

— Где и стою, — отвечает Водяной. — На камешке.

Он стоит на большом плоском камне. Посмеивается. А Солдат, быстро и ловко орудуя лопатой, роет под камнем яму. Достает из сумки мешок с порохом. Закладывает под камень. Тянет фитиль.

— Ха-ха-ха! — заливается Водяной. — Он меня, Водяного, поджечь хочет! Ах ты, карась…

Оглушительный взрыв. Водяной подпрыгивает и валится, оглушенный, на землю. Квак мечется вокруг, квакает растерянно. Вот Водяниной становится на четвереньки. На колени. Подымается во весь свой огромный рост. Простирает негодующие руки.

Глаза загораются зеленым пламенем. Подзывает Квака:

— Что делать?

— Квак, квак, квак прикажете.

— Дурак!

— Квак, квак, квак прикажете.

— Ну что ж это, Солдат! Как ты меня растревожил! Со мной так еще не бывало. Хочу человека загубить, а он не дается. Да ты взгляни, ведь я страшен! Дрожи хоть капельку, а я тебя и прикончу. Сделай такую милость — перепутайся! А? Ласково тебя прошу, рыбка моя дорогая,

золотая. Доставь мне удовольствие, задрожи! — упрашивает Водяной.

— Не могу, — отвечает Солдат.

— Почему? — удивляется Водяной.

— Не приучен.

— Безобразник ты, братец! — возмущается Водяной.

— Ну и Водяной! Как говорится, собаке не верит, все сам лает. Ты мне зубы не заговаривай! Боролись мы с тобой? Боролись. Осилил я тебя? Осилил, — говорит Солдат.

— Пожалуйста, не напоминай, — отвечает Водяной.

— Должен ты меня слушаться? Должен. Ну и слушайся, — приказывает Солдат.

— Сейчас, погоди. Дай успокоиться, утешиться.

Эй, Квак! — зовет Водяной.

— Ква, ква, к вашим услугам, — отзывается Квак.

— Боишься ты меня? — спрашивает его Водяной.

— Ох, боюсь, — признается Квак.

— И здорово боишься?

— Квак, квак полагается.

— У! — кричит Водяной.

Квак подпрыгивает.

— Э! — пугает Водяной.

Квак подпрыгивает и переворачивается.

— Ну что? Где у тебя душа? — спрашивает Водяной.

— В пятках, владыка подводный. Оттого я и прыгаю, квак, квак мячик, — отвечает Квак испуганно.

— Дрожи передо мной! — приказывает Водяной.

Квак дрожит.

— Отчетливей!

Квак дрожит крупной дрожью.

— Молодец. Из простых лягушек выслужился, а как разумен. Любишь меня?

— Квак, квак, квак родную маму.

— Ну вот мне и полегчало. Нет, все-таки я грозен. Ужасен я! Ну, Солдат, говори, чего тебе надо.

— Иди сюда, Иванушка, — зовет Солдат.

— Зачем это? Отойди, мальчишка! Подтяни брюки. Одерни рубашку. Волосы поправь. Держись ровненько! Не мигай! — сердится Водяной.

— Да брось ты к нему цепляться. Он мальчик хороший, — вступается за Ивана Солдат.

— Всех их топить надо! Ну говори, чего тебе? — строго спрашивает Водяной Иванушку.

Мальчик храбро подходит к Водяному. Водяной отворачивается с отвращением.

— Ты мою маму украл! — говорит ему Иванушка.

— Кого-кого? — переспрашивает Водяной.

— Мою маму, Марью-искусницу, — поясняет Иванушка.

— А вот и не украл! — спорит Водяной.

— Не обманывай, не обманывай! Ласточки видели! — не отстает Иванушка.

— Это им привиделось! Они взад-вперед шныряют, ничего толком не разглядывают! — не соглашается Водяной.

— Ивы тоже сказывали.

— Это им приснилось. Они вечно над водой дремлют, — отвечает Водяной.

— Довольно, Водяной, сироту обижать! Гляди! Опять тебя свалю, если слова своего не сдержишь. Подавай сюда Марью-искусницу! — вступается Солдат и достает из ранца мешок пороха.

— Говорят вам — нет у меня такой, — врет Водяной.

— Веди нас в твою подводную избу, — приказывает Солдат.

— У меня не изба, а дворец!

— Это нам все равно. Идем в твой дворец. И собери всех своих слуг и служанок. И мы сами поглядим, не найдется ли среди них та, которую мы ищем. Ну! Решай! А то рассержусь! — грозит Солдат.

— Ладно, карасики мои серебряные, быть по-вашему, — соглашается Водяной. — Покажу я вам всех своих слуг и служанок. Узнаете Марью-искусницу — она ваша. А не найдете — заточу я вас в подводную темницу, такую глубокую, что камень туда полгода летит. Согласны?

— Ладно, там видно будет. Идем! — зовет Солдат.

Водяной делает знак Кваку. Низко поклонившись, Квак ложится у самых его ног, лицом к противоположному краю поляны. Он принимается дуть, дуть, дуть. И вот трава и цветы начинают тускнеть, тускнеть, расплываться. Вместо цветущей поляны — темное озеро,

неподвижное, как зеркало, появляется у ног Водяного и его гостей. Квак громко квакает. Рябь проходит по воде, и вдруг она начинает светиться изнутри. Водяной становится величественным. Он делает широкий жест, предлагая гостям подойти к воде. Вода делается прозрачной. Широкая лестница из красных кораллов ведет вниз, в глубину открывшегося озера. Коралловые деревья стоят вдоль лестницы по ступеням.

— Ну, государь мой, гости мои драгоценные, — провозглашает Водяной торжественно. — Лесок, где мы подружились-познакомились, — это полчуда. А настоящие чудеса впереди. Видите лестницу?

— Видим, — отвечает Солдат.

— Коралловая! Из южных морей. У братца семигородного выменял. Тысячу пудов осетровой икры за нее дал. Пожалуйте за мной, коли не боитесь, по коралловой лестнице в самое подводное царство, в самую середину.

Водяной не спеша входит в озеро. Квак поддерживает его под локоть. Солдат улыбается.

— Как говорится: в боярский двор ворота широки, а со двора узки. Однако храброму мужу и море — за лужу. Идем, Ваня.

Под водой светло, как на земле. На каждой площадке лестницы стоят на хвостах большие светящиеся рыбы. Каждая из них светится на свой лад. У одной вспыхивают и гаснут глаза, как маяки. У другой на голове, на длинном стебельке, фонарики, похожие на грушу. Третья вся — от носа до хвоста — сияет синим пламенем. У четвертой светятся плавники. И все они вспыхивают особенно ярко и низко-низко склоняются перед Водяным, когда он проходит мимо. Вот и подводное царство.

— Не двигайте ножками, не утруждайте себя, гости мои любезные, — хрипит Водяной. — Течение подводное — послушное, само огнесет вас куда следует.

И в самом деле, едва он успевает сойти со ступенек, как невидимая сила мягко подхватывает его и несет вперед над дорогой, вымощенной серебряной рыбьей чешуей. Квак старательно поддерживает его под локоть. Ваня и Солдат несутся следом.

Дорога ведет через коралловый лес. Красные, розовые, белые кораллы разрослись, переплелись. Они блестят и сияют над коралловой чащей. Строем, как часовые, ходят светящиеся рыбы. А из-под ветвей, из глубины коралловых зарослей, из зеленой мглы глядят на чужеземцев морские чудовища. Коралловый лес позади. Теперь дорога идет среди водорослей. Водоросли эти всех цветов — синие, желтые, красные, зеленые. Крошечные рыбки, разноцветные, легкие и веселые, как птицы, шныряют между подводными зарослями.

— А скажи, дядя Солдат, — спрашивает Иванушка, — ждет меня мама? Думает ли, что я так близко?

— Возможно, что и ждет. Материнское сердце — вещун, — отвечает ему Солдат.

В это время в полутемной подводной пещере Марья-искусница сидит, склонившись над пальцами, работает усердно. На пальцах — в узоре из листьев вытканное разноцветными шелками лицо Иванушки. Под искусными пальцами рукодельницы его лицо оживает, так и кажется, что Иванушка заговорит сейчас.

— Что молчишь, сынок? — спрашивает Марья-искусница. — Где ты? Уж не близко ли? Тревога

с утра меня томит. Все чудится, что бродишь ты за стенами, зовешь мать, ищешь, и я не слышу. Ты здесь?

— Я здесь, — слышится голос Иванушки…

Водяной, Квак, Солдат и Иванушка летят по подводному царству. И вот вдали вырастает дворец Водяного. Он полупрозрачен. Он весь круглый, волнообразный. И кровля его поднялась волной — ровной, тяжелой, какие вздымаются во время мертвой зыби. И стены его выгнуты, как будто они сейчас движутся вперед, и башни его похожи на смерчи, замершие на месте. Когда течение подносит наших друзей ближе, они видят, что не из стекла и не изо льда построен дворец. Он из воды. Но вода эта едва колеблется. И от этого дворец, такой тяжелый издали, вблизи кажется зыбким. По его стенам, как по большому мыльному пузырю, широкие радужные полосы медленно и непрерывно ползут сверху вниз. Квак, обгоняя своих спутников, прыжками подлетает к воротам. Он хватает огромную трубу и громко трубит. И тотчас же весь дворец загорается синим цветом. Перед воротами вырастают огромные раки. Стоя навытяжку, они щелкают клешнями, приветствуя Водяного.

— Ну, Солдат, хороша стража? — спрашивает Водяной.

— Хороша, да в бою попятится, — отвечает Солдат.

— А я их к врагам спиною ставлю. Они думают, что бегут, а сами наступают. Ун йавыркто аторов! — смеется Водяной.

— На каком языке говоришь, Водяной? — удивляется Солдат.

— На рачьем. Слова у них те же, только их надо говорить, как рак ползет — задом наперед. По-вашему — раки, по-ихнему — икар. По-вашему — открывай ворота, по-ихнему — йавыркто аторов. Понял? — объясняет Водяной.

— Ляноп, — отвечает Солдат по-рачьи.

— Ун, икар! — приказывает Водяной.

Раки расходятся, тянут за собой зыбкие створки ворот. Водяной со своими спутниками входит в длинный-длинный сводчатый коридор. Зеленоватые стены его чуть светятся. Тут нет углов, нет крутых поворотов — коридор тянется, вьется, как речка, изгибается, извивается. И не то он ведет путников в глубь дворца, не то кружит их и вертит на месте, словно омут. И множество полупрозрачных, словно стеклянных, а может быть, из особенной волшебной воды, дверей, то закрытых, то настежь распахнутых, попадаются путникам. А за дверями все такие же извивающиеся, неведомо куда ведущие зеленоватые коридоры. Водяной поглядывает искоса на путников своих. И глаза его под нависшими, словно водоросли, бровями начинают светиться по-кошачьему. Солдат оглядывается.

— Что отстаешь, Ваня? Или устал? — спрашивает Солдат.

— Нет, дядя Солдат, не устал. А словно относит в сторону течение, — отвечает мальчик.

— Иду к тебе, — говорит Солдат.

Он делает шаг к Ване.

Но Водяной вырастает до самого сводчатого потолка. Он простирает свои огромные ручищи,

шевелит пальцами и, словно вихрь, проносится по коридору. Ваню откидывает к стене. Но Солдат идет против вихря, согнувшись, идет прямо к Ване на выручку. Водяной рявкает:

— Туманы!

И тотчас же из всех дверей, из-за всех поворотов влетают, вползают толпой, вваливаются полупрозрачные белые существа, сонные, пошатывающиеся.

— Разлучить гостей! Пусть поодиночке бродят! — грозно кричит Водяной.

И туманы послушно окружают, обволакивают Ваню и Солдата.

— Дядя Солдат! — кричит Ваня.

И туманы открывают свои огромные рты. И каждый из них повторяет Ваниным голосом:

— Дядя Солдат! Дядя Солдат! Дядя Солдат!

Со всех сторон слышит теперь Солдат зов мальчика.

— Иду! — отвечает Солдат.

И туманы повторяют его голосом множество раз, словно эхо:

— Иду, иду, иду, иду!

И Ваня сбивается с пути, бежит прочь от Солдата.

— Сюда! — зовет Солдат.

— Сюда, сюда, сюда! — повторяют туманы и уводят Ваню в самую глубь коридоров подводного царства.

Потерялся Солдат, исчез Ваня. Туманы рассеиваются. Водяной стоит, посмеиваясь.

— Вот то-то и есть! С кем связались, мышки сухопутные! Бродите, бродите! В одиночку-то страшнее, авось станете посмирнее. Квак! Беги за ними следом. Трави, гони, пугай! — приказывает Водяной.

Ваня идет сводчатыми коридорами. Зовет:

— Дядя Солдат!

Тишина. Даже эхо не отвечает мальчику. Он останавливается, задумывается. Выдергивает из своего пояса цветную шелковинку.

— Шелковинки-то цветные, а глаза у Солдата острые. Он приметит, поймет, кто это тут проходил и ему знак оставил.

И он обвязывает шелковинкой камушек, лежащий на песчаном полу коридора. Через несколько шагов повторяет он то же самое. Коридор, которым идет Ваня, кончается тупиком. В тупике три двери. Они полупрозрачны. И на всех трех дверях надписи, выложенные из разноцветных ракушек.

— Дожди обложные, — читает Ваня.

Он заглядывает в дверь. И видит: низко-низко спустились тучи. И моросит, моросит дождь. Лужи тускло блестят под тучами. Ваня подходит ко второй двери. На ней надпись:

ДОЖДИ ПРОМЫШЛЕННЫЕ

И ничего не разглядеть — сплошные потоки бегут по прозрачным дверям. Он подходит к третьей двери. На ней надпись:

ДОЖДИ ГРИБНЫЕ

Ваня заглядывает. Весело блестят на солнце косые струи нечастого дождика.

— Вот куда пойду, все-таки солнышко! — говорит мальчик.

Мальчик открывает дверь и входит в просторную пещеру. В сводах ее широкие окна — в них-то и светит солнце. Под высокими сводами пещеры ходят тучки. Мальчик бежит весело под дождем. Вдруг шевелится впереди земля, и из-под нее вырастает мухомор ростом с Ивана.

— Недаром говорится — растет как грибы. Смотри, какой быстрый, — удивляется мальчик.

Он поворачивается, чтобы обойти мухомор, но тотчас же перед ним вырастает второй. Он делает шаг назад — и едва не падает. Из-под самых его ног вырастает третий. И четвертый. И пятый. И шестой. И седьмой. Нет мальчику хода. Куда ни ступит — из-под земли поднимается ядовитый красноголовый гриб. Смеющаяся зеленая морда Квака, мелькнув между мухоморами, мгновенно исчезает.

— Вот беда какая! Эй! Хозяин грибной! Гриб боровик! Никогда я вашего брата не обижал! А когда брал, то корешок в земле оставлял, чтобы вы росли, не переводились. Помогите мальчику! Видите — сколько мухоморов на меня одного! Отравят они меня, бедного! — кричит Иванушка.

И тотчас же Ваня, словно чудом каким, поднимается в воздух. Он вглядывается под ноги и видит, что стоит на шляпе великолепного боровика, что пришел ему на выручку, вырос над ним и поднял вверх. И за красными в белых лоскутках шапками мухоморов Ваня видит второй боровик. Он прыгает прямо на него. Но едва он хочет перепрыгнуть на третий, как мухоморы вырастают вдруг чуть не с дерево. Вырастает и боровик. Ваня прыгает. И срывается. Но не успевает упасть на землю. Розовая сыроежка вырастает и подхватывает Ваню на лету. Гул, шум. Дрожит земля. Строем вырастают из-под земли подберезовики. За ними — подосиновики. Не дают пробраться мухоморам к Ване. Он бежит по проходу, что образовался между грибами-защитниками. Добегает до двери. Кричит:

— Спасибо, друзья!

И словно из-под земли отвечают ему негромкие голоса грибов-друзей:

— На здоровье!

Квак грозит боровикам кулаками. Снова бежит Ваня по коридору. Обвязывает цветными шелковинками то раковину, то камень, то выступ на стене. Мелькает за поворотом. Он указывает на мальчика кому-то невидимому. Раздается негромкий двойной свист. Ваня оглядывается и видит, что за ним вдогонку мчатся две рыбы. Они останавливаются прямо

перед Ваней, глядя на него своими круглыми глазами. И, вильнув хвостами, вдруг поворачиваются, уносятся обратно. Ваня идет дальше. Вдруг снова позади раздается двойной негромкий свист. Но теперь к нему прибавился низкий, дрожащий, тревожный, трубный рев. Мальчик оглядывается — и бросается бежать со всех ног. Две рыбки мчатся за ним в погоню и ведут за собой огромную акулу. Вот-вот, сейчас, сейчас нагонят они мальчика. Ваня бросается ничком на песчаный пол коридора. Преследователи с разгона пролетают мимо. А мальчик вскакивает и мчится в обратном направлении. Сворачивает в одну из раскрытых дверей. Попадает в новый коридор, во всем похожий на прежний. Снова раздается за его спиной двойной свист, трубный рев. Акула и ее лоцманы напали на след. А коридор кончается тупиком с одной дверью. И на двери этой — выложенная из разноцветных ракушек надпись, всего в одно слово:

МЫ

Ваня открывает дверь решительно. Захлопывает ее за собой. Он в огромной подводной пещере. Куда ни глянь — скалы высятся на песке. У самой двери стоит, склонившись, большой камень. Ваня бросается на колени. Подрывает песок под камнем. Потом наваливается на него плечом. И камень повинуется. Падает всей своей тяжестью на дверь. И как раз вовремя. Акула уже тут. Ваня видит ее сквозь прозрачные створки. Квак появляется возле акулы. Пробует открыть дверь — но тщетно. А мальчик уже уходит, скрывается за скалами. Квак грозит ему кулаком вслед. Делает знак лоцманам и уносится по коридору прочь огромными прыжками. Лоцманы и акула послушно летят за ним.

Солдат мерным, ровным, походным своим шагом шагает. Раз-два, раз-два, раз-два, по сводчатому коридору. И вдруг останавливается. Вглядывается. Замечает камушек, обвязанный цветной шелковинкой. Поднимает. Кивает головой. Шагает, глядя на пол, от шелковинки к шелковинку. Но вот след теряется с того места, где появилась акула. Солдат вглядывается в следы на песке. Бормочет:

— Вот тут он упал.

— А тут назад повернул!

— А тут бегом бежал!

И след приводит его к двери с надписью: ЛЬВЫ. Солдат наваливается на дверь всем плечом. Но и ему не открыть заваленной камнем двери.

— Что делать?

Оглядывается. Видит на песке большую раковину, блестящую, словно отполированную, с розовыми краями. Поднимает ее, прикладывает к уху: слышит ровный-ровный непрерывный шорох.

— Раковины, раковины, сестрицы! Я знаю — как бы вас ни разбросала судьба, вы всю свою жизнь между собой перешептываетесь. Вы знаете все, что в подводном дворце творится! Где мальчик Ваня? Ответьте, сестрицы, — просит Солдат.

Сначала слышит Солдат все тот же непрерывный шорох. Но вот в него вплетаются слова:

— Ты от всего сердца спросил, и мы тебе от всего сердца ответим. Слушай да шагай. Шагай да слушай. Раз-два! Раз-два!

Солдат послушно шагает.

Ваня идет по песку между скалами. вздрагивает от всякого звука. Оглядывается. Никого не видно, ничего не слышно.

— Где же они, львы-то? — спрашивает мальчик. И сдавленный, хриплый голос отвечает ему:

— Мы тут!

Мальчик вздрагивает, оглядывается — никого! Неужели это ему почудилось? Но тот же хриплый, сдавленный голос повторяет:

— Поиграй с нами.

— А где вы?

Молчание.

— Где вы?

— Не знаю, как сказать по-человечески. Поиграй с нами. Вот мяч, — раздается голос.

И к ногам мальчика падает сверху туго скрученный, круглый, как мячик, ком морской травы. Ваня поднимает голову. На него со скалы глядят три черные, лоснящиеся башки. Одна большая, другая поменьше, а третья — совсем маленькая.

— А где же львы-то? — спрашивает мальчик.

И обладатель самой большой головы отвечает:

— Это мы. Я морской лев.

— А я морская львица! — отвечает средняя башка.

— А я морской львенок! — отвечает младший. — Поиграй с нами. Мы людей любим.

Ваня поднимает туго стянутый ком травы, превращенный неведомым каким-то мастером в мяч, швыряет вверх. И тотчас же морской лев отбивает его носом.

— Еще, еще! — просит звери.

Поиграв со львами, Ваня спрашивает:

— А не знаете ли вы, друзья, как найти мне друга, Солдата?

— Не умеем сказать по-человечески, — отвечают львы хором.

— Ну тогда я сам пойду поищу. Прощайте, — говорит мальчик.

Вдруг лев поднимает свое грузное туловище, вглядывается куда-то. То же делает и львица. Львенок стоит ровненько, как овечка. Он тоже что-то увидел.

— Не бойся. Папа тут! Мама тут. При них нечего бояться, — говорит львенок Иванушке.

Ваня взглядывает туда же, куда и львы, и невольно делает шаг назад. Между скалами

двигается прямо на него огромный осьминог. Все его восемь ног обуты в сафьяновые сапоги. На голове выпитая шапка. Но чудовище не кажется от этого менее страшным.

— Скажи ему — «смирно»! — говорит лев.

— Смирно! — кричит Ваня.

И, к величайшему удивлению его, чудовище послушно останавливается.

— Скажи ему — «служи»! — просит львенок.

— Служи! — приказывает Ваня.

И, к величайшему удивлению, осьминог садится и поднимает четыре из восьми ног кверху.

— Скажи ему — «на место»! — предлагает львица.

— На место! — говорит Ваня.

Осьминог немедленно выполняет приказ и удаляется в ту сторону, откуда пришел.

— Осьминог-то ученый? — спрашивает Ваня.

— Ученый, — отвечает лев.

— А кто его учил?

— Наша подруга, девочка Аленушка. Она и нас научила по-человечески, — отвечает львенок.

— Откуда же здесь, в подводном царстве, девочка? — удивляется Ваня.

— Не умеем сказать по-человечески, — отвечает Лев.

— Еще не все слова затвердили. Поиграй с нами, — предлагает львенок.

— И рад бы, да нельзя. Побегу дядю Солдата искать! — отвечает мальчик.

Мальчик бежит между скалами, а львенок кричит ему вслед:

— Приходи, поиграй с нами! Мы людей любим!

Вдруг на одной из скал появляется Квак. Он указывает на пробегающего мимо Ваню. И тотчас же раздается двойной свист и дрожащий трубный рев. Акула! Мальчик мечется между скалами, но всюду его находит огромная хищница. И вот оказывается он словно в ловушке. Налево и направо — скалы. Позади — стена. Не уйти Ване. Акула, по разбойничьему своему обычаю, поворачивается кверху животом, чтобы схватить жертву.

И вдруг стена возле Вани приходит в движение. Камни, комья глины валятся на песчаный пол пещеры, и в образовавшийся пролом врывается Солдат с топором в руках. Он заслоняет собой мальчика.

— А ну давай сюда, кому жизнь не дорога! — грозит Солдат.

Акула круто взмывает к сводам пещеры и исчезает. Квак прыгает со скалы, удирает огромными прыжками.

— Идем, Ваня. Я знаю теперь, как твою матушку разыскать! — зовет Солдат мальчика.

Он уводит Ваню в сводчатый коридор прямо через пролом в стене. Подает ему раковину.

— Спроси, но только от всего сердца — где твоя матушка? — говорит Солдат Ване.

— Раковинка, раковинка — где моя матушка? — спрашивает Иванушка раковину.

Сначала слышит мальчик: ровный непрерывный шорох. Но вот в шорох этот вплетаются слова:

— Ты нас от всего сердца спросил, а мы тебе от всего сердца ответим. Смелей иди, во все стороны гляди. Иди, иди, во все стороны гляди.

Ваня шагает, приложив раковину к уху. Солдат — за ним.

Огромная подводная пещера. Зеленоватые, полупрозрачные своды ее поддерживаются множеством витых колонн, похожих на застывшие фонтаны. На возвышении стоит трон. Огромный ковер покрывает всю стену позади него. Водяной забрался с ногами на трон. Задумался. Почесывает затылок. Мытает своими зелеными глазищами, словно старается что-то вспомнить. Вбегает Квак. Валится в ноги Водяному.

— Говори! Напутал их? Ну? Где Солдат? Где мальчишка? — строго спрашивает Водяной.

— Разыскали друг друга, бегут прямо к Марье-искуснице, — отвечает Квак.

Водяной вскакивает.

— Бежим наперерез! — приказывает он.

Солдат и Ваня спешат изо всех сил. А раковина торопит, торопит:

— Вперед, живей, а теперь правей, а теперь левей, живей, живей, как бы нас не обогнали!

Солдат и Ваня сворачивают в коридор. Он кончается тупиком. В тупике огромная чугунная тяжелая дверь, запертая висячим замком.

— Стой, пришли! — останавливает их раковина.

Солдат достает из своего дорожного мешка топор. Замахивается обухом, ручища перехватывают его руку. Водяной выступает из мглы.

— Отойди, Водовоз, ушибу! — предупреждает его Солдат.

— А зачем ты замок ломаешь? Он, чай, денег стоит! — сердится Водяной.

— За дверью этой Марья-искусница, — говорит Солдат.

— Не верь сплетням! Эй вы, сестрицы-сплетницы! Прочь из дворца на берег, а то растопчу! — кричит Водяной.

Шорох, шум, звон. Раковина вырывается из Ваниных рук, взвивается к сводчатому потолку улетает. А за нею — все раковины, разбросанные по песчаному полу коридора.

— Вот так-то у нас будет потише, — говорит Водяной.

Он достает из складок одежды связку ключей.

— Никого за этой дверью нет. Гляди!

Водяной отпирает висячий замок. Дверь распахивается с печальным протяжным звоном. Ваня вбегает в подводную темницу. Пальцы стоят посреди пещеры, но исчез Ванин портрет. Исчезла и Марья-искусница. Солдат обходит пещеру. Никого. Пропала узница. Водяной глядит на Солдата во все глаза.

— Вот задал ты мне задачу. Что мне с тобой делать? Убить разве? — насмехается Водяной.

— Только попробуй. Проведают об этом друзья мои, старые солдаты, и такое с тобой сделают, что тебе небо покажется с овчинку. А земля с горчинку.

— Чего же ты от меня хочешь? — никак не понимает Водяной.

— Забыл? — спрашивает Солдат.

— Забыл. Так ты меня озадачил, что у меня ум за разум зашел.

— Должен ты показать нам всех своих слуг и служанок. Узнаем мы Марью-искусницу — наше счастье. Не узнаем — твоя взяла, — предлагает ему Солдат.

— Ну, делать нечего. Будь по-вашему. Идем! — соглашается Водяной.

Водяной входит в свою пещеру с троном, витыми колоннами, огромным ковром позади тропа. Солдат и Ваня следом. Водяной усаживается на трон. Квак вырастает перед ним, ждет приказаний.

— Ну что ж, рыбки мои золотые, гости мои дорогие. Давайте слуг моих смотреть. Авось найдете, что ищете. Квак! Зови моих слуг всех по очереди, по старшинство. Да смотри никого не пропускай, а то гости обидятся! — напутствует Квака Водяной.

Квак исчезает в зеленой полутьме и возвращается, сопровождаемый стариком в зеленых очках. На ногах у него богатые, обшитые жемчугом сапоги, но спины они так, что пальцы ног выглядывают наружу.

— Вот первый мой слуга, главный казначей Алтын Алтынович! Сколько у меня, Водяного, сундуков с золотом?

Казначей считает, орудуя пальцами рук и ног, и сообщает.

— Невесть сколько да сверх три штучки.

— А посуды золотой и серебряной?

— Огромное количество с половиной, — отвечает казначей.

— Видали? Мудрый старик. Все науки превзошел. Всё знает. Эй, старик! Сколько будет семью восемь?

— Много!

— Правильно! Ну, Солдат, — этого слугу ты у меня требуешь?

— Оставь его себе, — отвечает Солдат.

— Ступай, Алтын Алтынович. Нужно будет — позову. Квак! Зови следующих! — приказывает Водяной.

Алтын Алтынович исчезает. Появляются существа, у которых вместо пальцев рыболовные крючки, вместо носа гарпуны.

— А вот мои охотнички! Все доморощенные, из оборвавшихся крючков да потерявшихся гарпунов я их вырастил. Объясните, охотнички мои цепкие, в чем ваша сила, — предлагает им Водяной.

— От нас никакая добыча не уйдет. У нас на каждую увертку особый крючочек найдется. Кто к нам попал — тот пропал, — негромко отвечают охотники.

— Слышал? Ну, Солдат? Эти ли слуги тебе нужны? — спрашивает Водяной.

— Оставь их себе, Водяной.

— Ступайте, охотнички. Нужно будет — позову. Квак, зови следующих!

Перед троном вырастает большой белый цветок. В пещере становится все светлее и светлее. Музыка, звон колокольчиков, журчание ручья. Цветок раскрывается. То, что казалось его лепестками, — на самом деле крошечные, с мизинец величиной, девочки в белых платьицах. Смеясь, они то склоняются низко и снова превращаются в цветок, то откидываются и оживают. Музыка делается веселей, громче, свет вспыхивает еще ярче. Девочки соскакивают на гладкий, словно стеклянный, пол пещеры, пляшут, высоко взлетая.

— Ну, что скажешь? — спрашивает он Солдата. — Каковы мои русалки доморощенные? Я их сам своими руками вырастил из бабочек, что летом падают в воду. Играют русалочки, смеются, танцуют, домой не просятся. Им и тут славно. Видишь, непослушный мальчишка, как себя хорошие дети ведут. Играют, да и только. Да ты оглох, что ли? Тебе говорю! Ванька!

Но Ваня вскрикивает вдруг так, что Водяной подпрыгивает на своем троне, а русалочки сбиваются в беспорядочную толпу. В пещере стало светло, ясно виден теперь ковер, висящий позади трона.

— Глядите, глядите, люди добрые! Это мама ковер соткала! Вон наш домик! Вот наш садик! Люди добрые, помогите! Мама моя тут, возле. Мама, мама, где ты! Отзовись! — кричит Иванушка.

— Музыка, играй! — кричит Водяной.

И тотчас же музыка начинает играть, звенят колокольчики. Снова заводят русалочки свой веселый танец. Ваня бросается к ним.

— Русалочки, вы ведь тоже дети — помогите! У меня мама пропала! Я рядом с вами просто великан. Вы маленькие, вы здешние, вы везде проскользнете! Помогите! Разыщите мою маму, — просит Иванушка.

Русалочки удивленно пересмеиваются, не бросают своей веселой пляски.

— Девочки, да неужели вы не понимаете меня? — удивляется мальчик.

И тогда одна из русалочек, покрупнее других, говорит жалобно:

— Не мучай ты нас, мальчик! Мы бы и рады тебя понять-пожалеть, да не можем. Ведь мы не люди, а русалочки, что с нас возьмешь.

— Русалочки — домой! — приказывает Водяной строго.

И тотчас же русалочки покорно бегут к широкому зеленому стеблю, с которого соскочили, и, взявшись за руки, превращаются в цветок. И он исчезает, и замолкает музыка, и в пещере снова воцаряется полумрак.

— Вот вам и все. Всех вы моих слуг и служанок видели. И довольно, — настаивает Водяной.

— А вот не довольно. Подавай нам мастерицу, которая тебе соткала этот ковер, — не соглашается Солдат.

— Ковер я в прошлом еще году купил на подводной ярмарке в Ледовитом океане, — лжет Водяной.

— А вот и неправда! В позапрошлом году мама дома была! — кричит Иванушка.

— Довольно с нами шутить, Водяной! Ты показал нам слуг своих доморощенных. Показывай пленницу, что на тебя работает, а то худо тебе придется, — приказывает Солдат.

— Ну, делать нечего. Будут вам вечером и пленницы, — соглашается Водяной.

— Что так нескоро?

— Я пленниц возле дворца не держу. Беспокойно. Они у меня разосланы по дальним болотам, по глубоким трясинам. Пока их во дворец пригонят, вы отдохните, гости дорогие. Эй, Квак, проводи гостей, — отвечает Водяной.

Квак ведет гостей коридорами. Охотники с крючковатыми ручищами, раки с огромными клешнями провожают их.

— Это для чего же ты столько стражи пригнал? — усмехается Солдат.

— А квак, квак, квак же иначе! Для почету, — отвечает Квак.

Все шествие останавливается у двери, такой прозрачной, словно ее нет вовсе. Квак отпирает дверь. Вводит гостей в просторную горницу, убранную по-людски. Тут и изразцовая печь с лежанкой, и стол, покрытый вышитой белой скатертью, и скамейки. Только пол песчаный. На столе пироги, горячие блины — пар идет. Кувшины с квасом.

— Отдыхайте, гости дорогие, блины кушайте, ква-ква-квас пейте, — предлагает Квак.

— Спасибо. Блин — не клин. Брюхо не расколет, — соглашается Солдат. — Да ты что — никак нас на ключ хочешь запереть?

— А квак же иначе? Акулы заплывут, они блины любят. Осьминог заползет — он до пирогов охотник. Обидеть могут! — поясняет Квак.

И щелк, щелк, щелк — запирает Квак гостей на семь оборотов и исчезает.

Водяной сидит на кресле. Казначей и охотники почтительно стоят перед ним.

— Ну, слуги мои верные, сами видите, каких гостей нам течением занесло. Страхом их не возьмешь. Думайте, думайте, как горю помочь! Говори ты, казначей Алтын Алтынович! Ты все науки превзошел! — обращается Водяной к казначею.

— По-моему, их надо озолотить, — предлагает тот.

— Как так — озолотить?

— А пустить их в нашу сокровищницу. Выбирайте, мол, что хотите! Они не удержатся. Набьют карманы жемчугами, кораллами — и готово дело. Разбогатеют — присмиреют. Это уж как дважды два — пять! — отвечает казначей.

— Ишь ты какой! Чай, мне жемчуга жалко! — возмущается Водяной.

— И мне жалко! — кивает казначей. — Я до сих пор и грошика из лап не выпустил. Забыл вычитание и деление, а знал только сложение и умножение. Однако делать нечего. Сначала дадим, а потом, авось, и отнимем.

— Ладно, попробуем, так уж и быть. Ну а коли это не поможет? А если они разбогатеют и рассвирепеют? — спрашивает Водяной.

— И это случается, — соглашается казначей.

— А тогда что делать будем?

— Думать надо.

— Ну, думайте, думайте, только поживей. Вре- мечко-то бежит! Думайте. Думайте! — кричит Водяной.

— Ладно, давайте. Ну охотнички, охотнички, давайте думать. Раз-два, дружно! Раз-два, взяли! — приказывает казначей.

Все слуги Водяного под команду казначея сгибаются и выпрямляются, словно волокут какую-то невидимую тяжесть. Думают, все думают, надрываются.

— Ну, ну, охотнички, давайте, давайте, давайте! Еще разик! Еще раз. А вот пошла, пошла, пошла — придумали! — командует казначей.

Охотники выпрямляются, утирают вспотевшие лбы.

— А придумали. Водяной ты наш батюшка, вот что: уж больно ты нам трудную дал задачу. Нам с нею не справиться, — отвечают охотники.

— Казню! — кричит Водяной.

— Не вели нас казнить, а вели слово молвить. Нам с этой задачей не справиться. Надобно тебе в подземное озеро нырнуть. К самому Карпу Зеркальному. Он все сказки знает, какие есть на земле. Седьмой раз их перечитывает старик, — советут охотники.

— Не люблю я его. Он добрый, — морщится Водяной.

— То и хорошо, что добрый, не откажет, посоветует, — уговаривают его охотники.

— Ну, быть по-вашему. Нырну. Откройте колодец, — соглашается Водяной.

Охотники упираются своими носами-баграми в пол. Поднимают большую четырехугольную плиту посреди пещеры. Оттуда идет пар.

— Ох, не люблю, признаться, ключевой воды, то ли дело — мутная! — ворчит Водяной.

Он ходит вокруг колодца, как купальщик по речному берегу. Ежится, пожимается, похлопывает себя подмышками. И наконец, охнув, бросается вниз головой.

В подземном озере у Карпа Зеркального светло, как на земле. Разве юлько отливает свет синим, словно прошел через чистую ключевую воду. Куда ни глянешь — навалены книги, да какие — с хорошего человека ростом, все в кожаных переплетах, толстые-претолстые, с бронзовыми застежками. Кованые сундуки громоздятся у стен. На узорных деревянных подставках друг против друга две книги. Между книгами замер неподвижно огромный старый карп, читает обе разом, перелистывая страницы плавниками. Левым глазом читает он веселую книгу. Смеется. А правым — печальную. Плачет. Водяной опускается плавно сверху, становится прямо против Карпа.

— Здравствуй, Карп Карпович... — говорит Водяной.

— Погоди, дай до точки дочитать. Ох-ох-ох! До чего же печальная у этой сиротки судьба. Одно только утешение, что сказка эта каждый раз, сколько ее ни перечитываешь, кончается хорошо. Ха-ха-ха! Ай да Иванушка-дурачок. А эта сказка — каждый раз весела, сколько ни читай. Ну, на сегодня довольно. Здравствуй, Водяной!

Закрывает обе книги движением плавников.

— Здравствуй, Карп Карпович, добрый мудрец, ученый старик, — говорит Водяной.

— Не так уж я стар. Всего девятый век доживаю! — сердится Карп.

— Все-таки не мальчик уже!

— Ну это как сказать! — обижается Карп.

— Давно я у тебя не был, — признается Водяной.

— Ну как давно. Всего сто лет и три месяца, — отвечает Карп.

— Никак у тебя с тех пор книг еще прибавилось.

— А как же! Какие сказки ни приключаются на свете, сейчас же их в книжку да ко мне, — соглашается Карп.

— Кто же это для тебя старается?

— Сказку о рыбаке и рыбке знаешь?

— Как не знать.

— Так эта рыбка — мне внучка. Она и старается. Балует деда. Ну а теперь поговорили, вокруг

покружили — правь прямо. Зачем я тебе, злодею, понадобился? — спрашивает Крап.

— Какой же я злодей! Я за последние сто лет до того присмирел, что на мне хоть воду вози.

— Правда? — не верит Карп.

— А как же! Конечно!

— Ты смотри, не обманывай меня! Я до того добрые вести люблю, что рад любой поверить, — предупреждает Карп.

— Верь смело, Карп Карпович! Радуйся, — отвечает Водяной.

— Вот это сказка! Спасибо, друг, что нырнул ко мне, порадовал старика. Чем же мне за это отплатить?

— Нет, нет — ничем, — скромничает Водяной.

— А все же? — не унимается Карп.

— Вот разве что советом.

— Говори, что у тебя за беда, — приказывает Карп.

— Приплыл ко мне из южных морей мой братец семиюродный, чудо-юдо морское.

— Слыхал о таком. Злой, — кивает Карп.

— Куда уж злей. Проведал он, что я добр стал. Пришел и кричит: «Отдавай сейчас же твою любимую служанку Марью-искусницу, пусть она на меня работает». Что тут делать? Я слезы лью, Марья-искусница — плачет. Одно только я и выторговал: привезу я ему всех своих слуг и служанок. Пусть он среди них Марью-искусницу сам разыщет. Узнает — его счастье. Не узнает — мое. Что делать? — сокрушается Водяной.

— Сейчас подумаем, Водяной, — говорит Карп.

Он взмахивает хвостом, шевелит плавниками, и книги, лежащие в разных углах подводной пещеры, приходят в движение. Покорные своему хозяину, закрываются книги на узорных подставках, застегиваются их бронзовые застежки, и они уплывают. Новые книги взлетают на их место. Раскрываются. Новые книги все с картинками, и картинки эти живут. Вот витязь, размахивающий мечом. Змей Горы- ныч, извергая из ноздрей пламя, носится над ним.

— Здравствуй, Карп Карпович! — говорит Карпу Витязь с картинки. — Гляди, как я сейчас со змеем- злодеем расправлюсь!

— И поглядел бы, да некогда. Надо Водяного из беды выручать, — отвечает старый Карп.

Он шевелит плавниками, и страница переворачивается. На новой картинке летят гуси-лебеди, несут мальчика высоко над озером.

— Здравствуй, Карп Карпович! Погляди, как гуси- лебеди несут меня домой! — кричит карпу Мальчик.

— И поглядел бы, да некогда. Водяной, бедняга, помощи ждет, — отвечает Карп.

Снова перелистываются листы книги. И вот открывается картинка: девочка — веселая, смелая — глядит прямо на Карпа Карповича.

— Гляди, Водяной, — узнаешь, кто это? — спрашивает Карп.

— Что ты, что ты! Откуда мне ее знать, — отмахивается Водяной.

— Ав сказке говорится, что ловил отец ее рыбу. А ты сети со всем уловом к себе уволок. Рыбак плачет: «Верни мне сети». А ты: «Верну, коли отдашь мне то, чего дома не знаешь», — укоряет его Карп.

— А дома как раз я родилась, Аленушка. И забрал меня Водяной на дно. И выросла я у Водяного в подводном царстве, — говорит девочка на картинке.

— Вот видишь! А говоришь — не знаю! — грозит Карп Водяному.

— Ахти мне — запамятовал! Это Аленушка непослушная, — вспоминает Водяной.

— Опять не так! Ее зовут Аленушка — золотые руки, — поправляет его Карп.

— Ну будь по-твоему, — соглашается Водяной.

— Аленушка тебе поможет, — говорит Карп.

Взмахивает плавниками — и книги закрываются.

— Замечал, небось, человек отражается в воде, как живой? — спрашивает он Водяного.

— Тебе видней, Карп Карпович, ты у нас ученый, — Водяной пожимает плечами.

— Отражается, отражается, поверь мне. Аленушку — золотые руки вода любит. Пошли ее с Марьей- искусницей на берег озера. А остальное скажу тебе на ушко. А то злодеи подслушают, — говорит Карп и шепчет Водяному что-то на ухо.

— Вот это славно! Спасибо, Карп Карпович! Бегу! — говорит Водяной радостно.

Он поднимается было вверх, но останавливается на полпути. Снова спускается перед Карпом Карповичем.

— Что забыл? — спрашивает Карп.

— Уж как мы с тобой побеседовали хорошо — подари мне что-нибудь о нашей встрече на память, — просит Водяной.

— Ладно. Люблю дарить, я добрый. Чего же тебе хочется? — говорит Карп.

— Что пожалуешь, — отвечает Водяной.

— Открой тот сундук, возле которого стоишь. Бери, что понравится, — разрешает Карп.

Водяной открывает сундук. Достает из него связку ключей. Все они серебряные, а один золотой.

— Что это за ключи? — удивляется Водяной.

— А Синей Бороды. Его жена на память мне подарила. Бери себе, — говорит Карп.

— Спасибо, — благодарит Водяной. — Они мне ни к чему.

— А что это за сапоги? — он достает из сундука сапоги.

— А Кота в сапогах. Ему хозяин новые справил.

— А что это за прялка? — спрашивает Водяной.

— А Спящей красавицы. Укололась она об эту прялку да уснула, — отвечает Карп.

— И что в этой прялке — сила еще осталась? — не верит Водяной.

— Конечно, вещица подержанная, но все-таки. Усыпить не усыпишь, а ошеломить человека может. Будет человек бродить, словно сонный, ничего не видя, ничего не слыша, — отвечает Карп.

— Вот это мне и надо. Попробую злодеев я моих усыпить, — говорит Водяной.

— Попробуй. Помни только: Спящая царевна проснулась, когда ее жених поцеловал. Воин проснется, едва услышит боевую трубу. Работника — работа разбудит. А мать — коли ее сын, погибая, на помощь позовет, — поясняет Карп.

— Вот спасибо, что научил. Подари мне эту прялку, — просит Водяной.

— Делать нечего — бери! — соглашается Карп.

Квак стоит у колодца, ждет. Водяной с прялкой в руках мячиком вылетает из колодца.

— Ха-ха-ха! До чего же я дураков люблю — это просто удивительно! Научил, надоумил, растолковал и не взял за это ни копеечки! — смеется Водяной.

— Ха-ха-ха! — смеется Квак.

— Нечего смеяться без толку, время терять. Бери прялку, беги к Марье-искуснице. Прикажи ей прясть. Да подтолкни под руку, чтобы укололась, — приказывает Водяной.

— Бегу! — отвечает Квак.

— Стой! А по пути пришлешь ко мне Аленушку, — говорит Водяной.

— Она не послушается!

— А не послушается — яс тебя голову сниму! Беги!

Квак убегает огромными прыжками.

Водяной шагает нетерпеливо среди витых колонн. Квак влетает галопом, кланяется Водяному в ноги.

— Ну? — спрашивает его Водяной.

— Как сказано, так сделано, — отвечает Квак.

— А где Аленушка?

— Не идет.

— Силком тащи!

— Ас ней разве справишься?

— Осьминогу прикажи! — отвечает Водяной.

— Прикажешь! Она его приучила.

— Как приучила? — не понимает Водяной.

— А очень просто! — раздается веселый голосок.

Водяной вскрикивает и подпрыгивает чуть ли не до потолка.

— Что это? — кричит он.

Алёнушка выходит из-за колонн.

— Это я тебя колючкой уколола, — говорит она.

— Да как же это ты посмела? — сердится Водяной.

— Сердита я на тебя! — отвечает она.

— Вот я тебя сейчас запру в чулан!

— Только попробуй, — говорит она и зовет: — Вась, Вась, Вась!

— Кого зовешь? — спрашивает Водяной.

— Восьминожка моего ручного. Я ему на каждую ножку скроила по сапожку, на головушку — шапочку. Гляди! Вася, сюда бегом!

Появляется осьминог.

— Служи! — приказывает ему Аленушка.

Осьминог повинуется.

— Вася, дай дяде лапку, — говорит Аленушка.

Осьминог двигается прямо на Водяного. Водяной прыгает на трон. Подбирает ноги.

— Убери его! Я этих чудищ привозных не люблю, — просит Водяной.

— То-то! Вася — на место, — командует Аленушка.

— Где пропадала-то? — спрашивает Водяной.

— Работала! Все озеро прибрала, все ручьи подмела, морским конькам привозным корму засыпала, морским котам молочка налила. Сто золотых рыбок вызолотила, а пятьсот пескарей

посеребрила, — отвечает Аленушка.

— Хорошо! Хоть ты и норовиста, а работница. За то и держу тебя, — ухмыляется Водяной.

— Держи! Сама живу до поры до времени, потому что выросла тут. Жалею вас, нерях. Вы без меня тиной зарастете. Не тряси бородой!

— В своем доме я не могу уж и бородой потрясти? — смеется Водяной.

— Не можешь! Я знаю: когда ты бородой трясешь, значит, какую-то хитрость замышляешь!

— Какая там хитрость! Не до того. Беда у нас. Пришел ко мне из южных морей мой братец семиюродный, чудо-юдо морское. И еще сына привел, наследника. И требует в уплату, чтобы я ему Марью- искусницу отдал, — горестно отвечает Водяной.

— Марью-искусницу? Да никогда! Да ни за что! Матушку мою приемную — и вдруг отдавать? Она меня уму-разуму учит… Без нее я тут вовсе одичаю. Да за ней скоро Иванушка, ее сын, придет.

— Еще чего?

— А я говорю, что придет. И я с нею на землю уйду, — говорит Аленушка.

— Ай, ай, ай, видишь, как получается нескладно. Придется тебе поработать. Тогда авось мы и выручим Марью-искусницу, — качает головой Водяной.

— Опять бородой трясешь? — хмурится Аленушка.

— Так это я с горя, — отвечает Водяной.

— А ну покажи мне братца твоего семиюродного и его сына. Иначе не будет тебе помощи от меня.

— Ладно, покажу. Идем! — соглашается Водяной.

Водяной с Аленушкой подходят к покоям гостей. Не доходя до прозрачной двери, Водяной осматривается.

— Погоди! — шепчет он. — Я погляжу, чего они там делают.

Водяной подкрадывается на цыпочках к двери. Заглядывает и видит: Солдат гладит Ваню по голове, хлопает по плечу, успокаивает, утешает. Водяной шепчет едва слышно:

— Помоги мне, кривда-матушка! Прямое покриви, а кривое распрями. Водяной тебя просит, друг твой верный.

И тотчас же гладкая прозрачная дверь, подчиняясь неведомой силе, приходит в движение, колеблется, покрывается волнами и вновь застывает неподвижно. Теперь она — словно кривое зеркало. Водяной зовет Аленушку:

— Иди, полюбуйся!

Она подбегает к двери. Смотрит. Солдат утешает Ваню, расспрашивает его, наклоняется к нему. Аленушка не слышит ни слова, но видит она настоящих страшилищ. И Солдат и Ваня

чудовищно изменяются при каждом движении.

— Гляди, гляди, — хихикает Водяной. — Отец сына за волосы дерет.

Аленушка отходит от прозрачной двери.

— Ну и чудища. Ты — хорош, но они еще страшней. Говори, что делать. Как будем Марью-искусницу спасать! — в испуге шепчет она.

— Замечала, небось, человек отражается в воде, как живой, — говорит Водяной.

— И не только человек — все отражается, — кивает Аленушка.

— Нам до всего дела нет. Поведи ты Марью-искусницу на берег озера. И там… Остальное на ухо скажу. А то злодеи подслушают, — заговорщицки подмигивает Водяной.

Водяной шепчет Аленушке на ухо признание свое и при этом разводит руками, вертит глазищами и трясет вовсю бородой.

— Все поняла? — спрашивает он.

— Все, как есть, — отвечает она.

— Беги скорей, — шепчет Водяной.

Алёнушка убегает.

— Квак, беги за ней следом, гляди, чтобы все было в порядке, а как дело будет сделано, гляди, не пускай Аленушку в мои покои, — наставляет его Водяной. — Пусть приведет она кого надо, и все тут. Ее не пускай, а то голову сниму. Веги!

Квак убегает огромными прыжками. Водяной посмеивается.

— Молода еще ты против меня, — бормочет он. — Ловко обманул девчонку. Лихо очернил гостей. Против кривды никто не устоит. Спасибо тебе, кривда-матушка.

Дверь снова делается плоской и гладкой. С милостивой улыбкой открывает Водяной замок.

— Здравствуйте, осетры мои благородные! Отдохнули, детки? — ласково спрашивает он.

— Отдохнули! Сил набрались. Пора бы и за работу. Веди нас к Марье-искуснице, — говорит Солдат.

— Всему свое время, рыбки мои серебряные, — отвечает ласково Водяной. — Потерпите маленечко, и Марья-искусница сама к вам придет. Сердишься, Солдат?

— Сержусь, Водяной!

— Ах ты, мой конь морской, норовистый! — улыбается Водяной. — Ты сердишься, а я добр. Идем в мою сокровищницу.

Водяной, Солдат и Ваня входят в сокровищницу. Казначей низко кланяется. Сундуки с золотом и драгоценными камнями стоят бесконечными рядами, скрываются в зеленой мгле. Золотые и серебряные блюда, кувшины, чаши стоят на полках от потолка до пола.

— Видишь, Солдат, какой я великолепный Водяной! — хрипит он. — Ходи не спеша, выбирай подумавши. Все твое — чего ни пожелаешь.

Солдат не спеша идет по сокровищнице. Возьмет золотое блюдо, постучит — звон пойдет по сокровищнице. И положит на место. Возьмет горсточку драгоценных камней, перебросит с ладони на ладонь — блеск пойдет по сокровищнице. И высыпает Солдат камни обратно в ларец. Казначей удивляется.

Аленушка в темной подводной пещере. Здесь теперь спрятана Марья-искусница. Марья-искусница сидит за прялкой посреди пещеры. Глаза полузакрыты. Она и не глядит на пришедшую.

— Матушка! Что с тобой сталось? Ты больна? — пугается Аленушка.

— Как будто и не больна, — холодно отвечает Марья-искусница.

— А ты меня слышишь? — спрашивает Аленушка.

— И слышу, и нет. И что ни час — то темнее.

— Квак, что вы с ней сделали?

— Это не мы! Это чудо-юдо морское околдовало ее, чтобы она стала послушней, — весело отвечает Квак.

— Ничего, моя родная, ничего, ничего. Мы тебя разбудим, спасем! — волнуется Аленушка.

Она берет Марью-искусницу за руку, тащит ее к выходу. Та идет покорно. По коралловой лестнице выходят они на землю. Тропинка вьется между огромными дубами. Аленушка ведет Марью-искусницу по тропинке. Квак прыгает следом. Аленушка и Марья-искусница становятся на самом берегу. Они отражаются в спокойной воде, ясно, как в зеркале. Аленушка наклоняется над водой. Она плавно поводит руками.

— На берегу Марья, — говорит Аленушка, — и в воде Марья.

И она показывает на отражение женщины в воде.

— На берегу Марья живая, а в воде Марья водяная. Вода, вода, отдай, что взяла. Оживи, Марья водяная, выйди на берег! Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Будет!

И, повинуясь заклинанию, семь раз оживают отражения, семь женщин поднимаются из пруда на берег, одна за другой. Все семеро похожи друг на друга, как семь капель воды. Они становятся возле Марьи-искусницы.

Солдат и Ваня идут по сокровищнице.

— Обижаешь, Солдат! — говорит Водяной вкрадчиво. — Ничего не берешь! Выбирай, приказывай!

Солдат вдруг останавливается. Пристально смотрит в темный угол. Там стоит простой некрашеный деревянный стол. На большом этом столе лежат гусли, полотенце и деревянный гребень. Солдат разглядывает гусли внимательно. Потом тщательно, как хорошая хозяйка на рынке, рассматривает, ощупывает полотенце. На полотенце вышит серебром косой дождик и над ним, шелком, радуга. Проверяет на свет гребень.

— Беру! — говорит он решительно.

Водяной переглядывается с казначеем.

— Да ты что, батюшка, надсмехаешься! — кричит казначей. — Эти вещички меньше полушки стоят! Они у меня на левом мизинце значатся, да и то на самом ноготке! Старье! Лежат тут две тысячи лет, неведомо откуда взялись! Выбросил бы, да скупость проклятая не позволяет. Возьми лучше золото!

— Эти вещички мне нужны! — отвечает Солдат. — Ведь это гусли-самогуды. Они кого хочешь развеселят. А гребень да полотенце всегда в дороге пригодятся.

И Солдат вешает гусли на пояс, а гребешок и полотенце укладывает в ранец.

— Идем! — говорит он. — Ничего больше не возьму!

— Экий ты, братец, несговорчивый. Ну, будь по-твоему. Идем, — соглашается Водяной.

Он торжественно входит в свою пещеру. Усаживается на трон. По знаку его входят охотники. Алтын Алтынович садится на ступеньки трона. Солдат и Ваня становятся рядышком. Раки строем вползают в пещеру. Окружают своего повелителя.

— Готовьтесь, готовьтесь, гости дорогие, — торжественно произносит Водяной. — Эй, Квак!

Квак влетает вприпрыжку.

— Приблизься!

Квак подбегает вплотную к трону.

— Привел? — тихо спрашивает его Водяной.

— Квак, квак, квак велено, так и сделано, — отвечает Квак.

— Ну, слушайте, гости дорогие мои! Привел Квак последних моих служанок. Смотреть их смотрите, но только молча. Они голоса человеческого невесть сколько лет не слыхали. Могут помереть. Согласны? — спрашивает он Солдата и Иванушку.

— Ладно, будь по-твоему, — отвечает Солдат.

— Впускай, — командует Водяной.

Квак громко квакает. Двери отворяются настежь, и появляется не спеша, словно никого не видит она и ничего не слышит, — Марья-искусница, окруженная своими отражениями. Кто из них настоящая Марья-искусница, а кто призрачная? Солдат делает шаг назад, пораженный. Водяной ухмыляется. Ваня вскрикивает было: «Мама!» — но тут же закрывает рот рукой.

— Вот то-то и есть! — торжествует Водяной. — Глядите, глядите, пескарики мои простенькие. Глядите, да руками не трогайте и не зовите! Помереть могут!

Ваня бросается к Марье-искуснице и ее спутницам. Мечется от одной к другой. Протягивает руки и отдергивает в ужасе, боясь, что нечаянным прикосновением может и в самом деле убить несчастную свою мать. Вдруг кто-то дергает Ваню за рукав.

Аленушка прячется за витой колонной.

— Ваня! Слушай меня во все уши. Иди тихо-тихо, мимо всех них. У твоей мамы дыхание теплое, а у всех остальных — холодное. Так ты и узнаешь Марью- искусницу, — шепчет ему Аленушка.

Ваня повинуется. Тихо-тихо идет он мимо замерших неподвижно женщин. И останавливается вдруг. И вскрикивает радостно:

— Вот моя мама!

И тотчас же остальные с легким звоном расплываются в воздухе, исчезают, как тени.

— Ура! — кричит Солдат оглушительно.

Водяной мигает своими зелеными глазищами. И вдруг разражается таким страшным ревом, что все его слуги с Кваком во главе валятся с ног.

— Не пущу! Не согласен! Не позволю! Забрать Марью-искусницу — и в подводную темницу! — страшным голосом орет Водяной.

Аленушка бросается к трону.

— Ты слово дал! — кричит она.

— Я дал, я и взял. Я своему слову хозяин. Забрать, — приказывает Водяной.

— Не спеши, друг наш, Водохлеб. Не сердись. Лучше попляши, — останавливает его Солдат.

— Ах ты дерзкий! И его забрать! — еще пуще злится Водяной.

— Сказать-то легко, а кто первый с места двинется? Выходи под музыку! — отвечает Солдат.

Солдат поводит рукой по струнам, и Водяной, и слуги его подпрыгивают.

— Что это такое? — неприятно удивляется Водяной.

— Я же тебе сказал — попляши. Вот ты и слушаешься. — Снова проводит рукой по струнам рукой. Водяной и слуги его подпрыгивают еще выше. — Ребята, берите Марью-искусницу за руки. И в путь. Я вас догоню, — говорит Солдат.

Аленушка и Иванушка повинуются. Водяной с ревом бросается за беглецами, но Солдат заводит плясовую. Не быструю, степенную, но до того завлекательную, что Водяной останавливается посреди пещеры. С крайним удивлением глядит на свои ножищи.

— Эй, ты! Нога! Правая нога — тебе говорю! Стой! — кричит он.

Вместо ответа правая нога, переступая с носка на каблук, лихо пускается в пляс, а за нею и левая. А гусли переходят с пляски медленной и степенной на быструю и отчаянную. Присвистнув и хлопнув ладонью по голенищам, взлетает Водяной чуть не до потолка. Лицо его при этом выражает крайнюю растерянность.

— Солдат, а Солдат! Положи гусли! — умоляет он.

— Будь по-твоему, — соглашается Солдат.

Кладет гусли на пол, а они продолжают играть сами собой.

— Это еще что такое?

— А гусли-самогуды и без меня справятся. Играйте, гусли, не уставайте. Водяному отдохнуть не давайте, в погоню за нами не пускайте! Прощай, Водяной, счастливо оставаться! — смеется Солдат.

Он уходит, а Водяной со всеми своими слугами пляшет, прыгает, остановиться не может.

Течение несет Солдата, Ваню, Аленушку и Марью-искусницу прямо к лестнице. Вот взбираются они по коралловым ступеням. Вот бегут, спешат по тропинке между дубами. А Водяной и слуги его пляшут, кто вместе, кто поодиночке.

— Придумал я, что делать. Сейчас я эти гусли раздавлю, — говорит Водяной.

Он прыгает ногами вперед, прямо на струны, но гусли, словно живые, выскальзывают из-под ног Водяного. Тогда Водяной пытается сесть на гусли всей своей тяжестью, но они тут же спасаются бегством и начинают играть еще веселее, еще неудержимее.

— Помогите! — орет Водяной. — Помогите! Пропадаю! Люди добрые! Помогите!

Каменная плита над колодцем, ведущим к Карпу Карповичу, приходит в движение. Откидывается. И старик выглядывает из колодца.

— Ты чего на помощь зовешь-то? — спрашивает Карп.

— Помоги, голубчик! Спаси! Останови гусли-самогуды! — умоляет Водяной.

— Остановить их не могу. Они волшебные, — разводит плавниками Карп.

— Ну меня научи, как остановиться.

— Не стану. Я на тебя сердит. Ты меня вчера обманул, а я это только сегодня понял. Такую обиду простить невозможно, — отвечает старик.

— Карп Карпович! Я больше никогда не буду! — просит Водяной.

— Опять, наверное, обманываешь!

— Ей право, не обманываю. Помоги. Видишь — я плачу даже, значит, раскаялся, — не отпускает его Водяной.

— Ну так уж и быть, научу я тебя, как остановиться. Заткни свои уши, да и только.

Плита закрывается, и Карп уходит в свое подземельное жилище. А Водяной и все его слуги затыкают уши. Останавливаются, задыхаясь.

— Слушайте мое приказание. Немедленно бегите в погоню за Солдатом, — гневно говорит Водяной.

Слуги Водяного стоят неподвижно.

— Я вам что говорю? — требует Водяной.

Слуги не двигаются.

— Что это они? Взбунтовались, что ли? Ох! Понял! Они меня не слышат. В погоню! В по-го-ню! — кричит он изо всех сил.

Он пытается изобразить пальцами, что, мол, надо бежать туда, за беглецами, но никто не хочет его понять. Тогда Водяной подходит к охотникам и силком отнимает их руки от ушей. И тотчас же охотники пускаются в пляс.

— Заткнуть уши! — орет Водяной.

Охотники повинуются и перестают плясать. Но зато и не слышат больше своего повелителя. Водяной ревет оглушительно, так что дрожат своды пещеры. И при этом пляшет так весело, будто он и не разгневан вовсе, а весел, как на свадьбе.

— Эй, вы! Дожди обложные, проливные и грибные! Отпускаю вас на волю! — кричит Водяной.

Распахиваются двери, за которыми скрывались дожди. Вылетают облака. Блестят частые дождевые струи. И во мгле раздается свирепый голос Водяного.

— Лейтесь, лейтесь, не уставайте, не уступайте. Пусть ручьи станут речками, речки — озерами, а озера — морями. Не выпускайте гостей моих из лесу! Оставьте им островок в три шага длины да в три — ширины. А я, наплясавшись, сам к ним приду.

Рассеивается мгла. Крошечный островок. На нем стоят, прижавшись друг к другу, Ваня, Аленушка, Солдат и Марья-искусница. Льет проливной дождь.

— Дядя Солдат! Что же делать будем! Мы до самых косточек промокли, — спрашивает Иванушка.

— Ну коли промокли — полотенце поможет! — отвечает Солдат.

Он открывает ранец. Достает полотенце, на котором серебром вышит дождь, а шелками — радуга. Взмахивает им широко. И вот чудо: радуга стала над озером, что бушует вокруг островка, как море. Один конец радуги упирается в землю, у ног путников, другой — в едва видный противоположный берег.

— За мной! — командует Солдат. — Только держитесь зеленой полосы. Она мягкая, как весенняя трава. Не ходите на синюю — она скользкая, как лед.

Из ранца своего он добывает веревку. Дает спутникам. Ступает на крутую радугу первым. Спутники его, держась за веревку, — следом. Все выше поднимаются беглецы, все выше. Озеро бушует далеко внизу. Иванушка взглядывает вниз. Скользят его ноги по гладкой синей полосе радуги. Он вскрикивает. Вздрагивает Марья-искусница. Но Ваня повисает на веревке, и Солдат успевает подхватить его. Вот путники на самой верхушке.

— А теперь по синей полоске — вниз, как с горки! — говорит Солдат.

Он достает из ранца кусок полотна. Стелет на синей полоске. Садится впереди. И путники весело скатываются вниз, как на санках, на противоположный берег.

Путники идут по степи. Дождь все не прекращается.

— А ну-ка постойте! Дождевые струи что-то говорят! Я их язык понимаю! Недаром прожила

столько лет в водяном царстве, — говорит Аленушка.

Она вслушивается.

— Аленушка, Алёенушка, пропала ты, Аленушка! Мы все плотины размыли. Летит на вас вода стеной! Уж так тебя водица любит, а потопит! Она своей воли не имеет! — шепчут струи.

— Дядя Солдат, летит на нас стеной водяной вал! И никто его не остановит! Гляди — вон он! — Алёнушка указывает вдаль.

По степи за беглецами двигается стена воды.

— Надо с гребнем расставаться, — решает Солдат.

Он достает из ранца гребень. Швыряет высоко вверх. Жужжа, взлетает гребень до самого неба. Но обратно не падает. Он растет, растет — и совершается чудо. Водяной вал разбивается о его подножье и, обессиленный, отступает. Тучи рассеиваются, выглядывает солнце, путники шагают по дороге.

А вот и тот самый домик, что был вышит на ковре за троном Водяного. Пусто. Никого не видно в садике. Прихрамывая, оглядываясь, появляется у забора Квак. Свистит тихонечко. Чей-то голос отвечает ему:

— Ква-ква! Кто меня зовет?

— Это Квак, ква, ква, к вам на поклон прискакал!

Из-под дома вылезает жаба. Прыгает Кваку на плечо.

— Радость какая! Племянник мой родной! Да какой же ты стал большой! — радуется Жаба.

— Да уж лучше бы поменьше быть. Так дела обернулись, что надо скрыться! — торопится Квак.

— Хромаешь, никак? — замечает Жаба.

— Захромаешь тут — целый месяц плясал без устали! Где Солдат?

— По ягоды ушел с Аленушкой.

— А Иванушка где?

— Дома. Сегодня его очередь пол мыть.

— А Марья-искусница где?

— Бродит все вокруг да оглядывается. Силится вспомнить бедняга, где она да что с ней. Сейчас по роще бродит.

— А далеко роща-то? — спрашивает Квак.

— А прыжков с тысячу, — отвечает Жаба.

— Вот это нам и надо. Пойду доложу!

Квак исчезает. Из дому выбегает Ваня с ведром в руках. Он откидывает крышку колодца.

Наклоняется над ним. И вдруг косматая башка Водяного бесшумно вырастает над срубом. Он хватает мальчика за руки. Ваня отбивается отчаянно. Марья-искусница не спеша бредет по березовой роще. Глаза ее смотрят сонно и безучастно. И вдруг издали доносится отчаянный зов:

— Мама!

Марья-искусница вздрагивает, словно проснувшись.

— Мама! — зовет Ваня еще громче.

Марья-искусница, как ветер, мчится на зов сына. А мальчик уже изнемог в борьбе. Ноги его скользят по влажной земле.

— Мама!

И Марья-искусница бросается на помощь сыну. Она хватает Водяного за руки, Ваня — за бороду, тянут, тянут — и вот чудовище уже лежит на траве.

Ваня захлопывает крышку колодца. Прибегают Солдат и Аленушка. Бросают на траву кошелки с ягодами и грибами. Окружают Водяного.

— Квак, Квак, Квак, — на помощь! — зовет Водяной.

Квак выглядывает из-за забора. И тут же прячется.

— Ну уж нет! Довольно! Не желаю больше служить такому злодею, которого вытащили за ушко да на солнышко. Пойду обратно в лягушки, — тихо говорит Квак.

И Квак стал тут же уменьшаться, уменьшается, пока не превратился в обыкновенную лягушку, и упрыгал под крыльцо.

— Братцы! Я больше не буду! Правду говорю! — кричит Водяной.

Никто не отвечает Водяному, и он делается все меньше да меньше, расплывается и исчезает, как будто его и не было.

— Вот и нет больше Водяного. Одно мокрое место осталось, — говорит Солдат.

— Иванушка! Аленушка! — зовет Марья-искусница.

Обнимает детей.

— Иванушка! Аленушка! Вот мы и вместе!

— Нет такой злой напасти, которую не победила бы материнская любовь, — говорит Солдат.

— И дружба, — добавляет Аленушка.

— Да не забудьте еще про мое солдатское упорство! — напоминает Солдат.

— А теперь устроим мы пир на весь мир. Эх, давно я по хозяйству не работала! Соскучилась! — радуется Марья-искусница.

— А мы-то как соскучились, а мы тоже, а мы-то как рады! — радуются все.

Звон, стук, гул. Окна распахиваются, двери открываются. Деревянный стол выбегает из дверей, ласкается к хозяйке, словно пес. За ним бегут табуретки, как щенята.

— Хозяйка ожила — весь дом ожил! — удивляется Солдат.

Скатерть вылетает из окна. Опускается на стол. Катятся по траве тарелки. Прыгают ножи, вилки.

— Друг ты наш, Солдат. Голос у тебя звучный, зови гостей. Вот уже и печка сама затопилась. И пироги в духовку прыгают. Зови скорей, — просит Марья-искусница.

Слушаюсь! — отвечает Солдат.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch